

АЛЕКСАНДР
РАЗУМИХИН

О ЧЕМ
СПОРЯТ
В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Источник: Разумихин А. О чем спорят в учительской / А. Разумихин // Сверстники – 1979 : сб. молодых критиков / сост. В. Дементьев. – Москва, 1979. – С. 57–66.

Последние годы выявили устойчивый интерес и внимание критики к осмыслению проблем, обусловленных научно-технической революцией и связанной с ней нравственной позицией человека. Чешков, Лагутин и другие, принеся в литературу реально обозначившиеся противоречия современности, сравнительно быстро заставили на многие привычные до того времени вещи взглянуть с другой стороны. И прежде всего эти «деловые люди» показали и доказали «неэкономичность», как говорит герой И. Дворецкого, встречающихся еще очковтирательства и показухи. Конфликтующие герои-производственники, пришедшие к нам с театральных подмостков и кино-телеэкранов, учили по-коммунистически противостоять им.

Сталевар Лагутин отказывается выпускать ради плана низкосортную сталь, зная, что через два часа сварит качественную.

Строитель Потапов отказывается со своей бригадой от незаслуженной, как они считают, премии, обосновывая это тем, что трест имеет заниженный план.

Научно-техническая революция как бы дала искусству социальный заказ на героя активного, знающего, чего он хочет, поднимающего вопрос об ответственности человека за свое дело. Стремящегося быть не просто «не хуже других», а непременно лучше других.

Сельский вариант инженера Чешкова — председатель колхоза Бобров не может даже мыслить современное хозяйство иначе, как по-наисовременнейшему: селекторная связь, свиноводческая фабрика, поселок городского типа.

Новые герои демонстрируют свое отчетливое нежелание работать по-старому.

Характерно, что новые производственные отношения, как мы видим, заявляют о себе повсюду: и в заводских цехах, и на колхозных фермах. Но приходится констатировать, что за новизной энтузиастов НТР — заводчан критика пока почему-то не заметила рождения подобного героя еще в одной сфере — общеобразовательной школе. Хотя именно в произведениях последнего времени о школе в силу специфики учительской профессии проявилась тенденция раскрытия не только «экономической», а и нравственной, духовной стороны проблемы.

Современная школа... Ситуацию, сложившуюся в ней, можно выразить следующим отношением: ученики не хотят учиться по-старому, учителя не могут учить по-старому. Об этом много говорят и пишут и сами педагоги, и вездесущие журналисты-публицисты, и известные литераторы. Спорят, ломают копыя в полемике о тех изменениях, которые происходят в школе, о новых повышенных требованиях, предъявляемых научно-технической революцией, а следовательно, и самой жизнью, как к самим учителям и их ученикам, так и к организации процесса обучения и воспитания, к стилю сегодняшней педагогики.

Конфликтность уже самой ситуации не могла не вызвать художническую заинтересованность в проблемах, которые волнуют сегодня школу. В фильме «Доживем до понедельника» по сценарию Г. Полонского учитель истории Мельников, пожалуй, первый предпринял попытку пробиться сквозь толщу педагогических предрассудков и предубеждений. Литературным, как, впрочем, и нелитературным наследникам Мельникова пришлось осознать глубину великой детской мечты, прозвучавшей на всю страну: «Счастье — это когда тебя понимают...»

Страстные раздумья авторов последующих произведений о школе, наполненных горечью в адрес отставших от века учителей, оказались во многом созвучными общелитературным поискам героев, утверждающих активное, живое, личное участие в становлении новых норм коммунистической морали.

Примечателен в этом плане образ учителя математики и физики Ивана Федоровича Лунева из пьесы С. Соловейчика «Печальный однолюб». Заставляющий еще раз вспомнить о «феномене Чешкова», Лунев тем не менее не

есть очередное повторение пройденного. Ни относительно Чешкова, ни относительно своего коллеги Мельникова из «Доживем до понедельника».

Учитель Лунев отказывается следовать установившейся практике, когда в каждом классе треть крепких, треть — туда-сюда, а треть — никуда: «Треть никуда! А что, если это мы делаем их никудышными, а? Мы воздвигаем между учеником и математикой стену из страха перед отметкой, а потом удивляемся его тупости. Мы позволяем бездельничать на уроках, потом возмущаемся: лентяй! Мы вынуждаем злиться, воевать с нами, потом кричим: хулиганы! Мы сами побуждаем списывать, потом стыдим: бессовестные! И мы говорим: никуда... Треть — никуда!»

Только ли школьная эта проблема: треть — никуда?! Не видится ли здесь связь между этой третью и теми, кто противостоит Чешкову, Лагутину? Да-да, ведь это она, треть никуда, вытянутая до восьмого или даже десятого класса, идет потом в заводской цех, где начальником Чешков, это она переступает порог правления колхоза, где председателем Бобров. Об этой связи, позволяющей рассматривать произведения о сегодняшней школе в общем ряду с получившими известность произведениями, как говорят, на производственную тему, достаточно четко сказал один из героев С. Соловейчика: «Технический прогресс где начинается? В школе!»

Принадлежа к племени новых людей, народившихся на Руси — деловым людям, учитель Лунев предлагает один из способов обучения по-новому. На внедрении новой методики и строится конфликт героев пьесы.

Прогрессивный Лунев против консервативной Шуваловой. Спиридонов, учитель, сорок лет гордившийся своими докторами наук и академиками, под воздействием Лунева постепенно переходящий в лагерь его единомышленников. Если сравнить с произведениями на производственную тему, уже упоминавшимися ранее, вроде бы ничего нового.

Новое в характере самого героя. Бросается в глаза отличительная особенность: Лунев — не «человек со стороны». Свой, доморощенный. Мечтал «перевернуть школу» еще на первом курсе института. Готовился к этому все годы работы в ней.

В нем нет крайности Чешкова — человека деловито-

го, лишенного душевной доброты. Лунев не только не хочет быть талантливым учителем-одиночкой, он ищет сторонников. Более того, он их растит. Семинар, затеянный им на свой страх и риск, необходим ему, чтобы доказать, утвердить: все ли, почти все учителя могут хорошо учить всех детей!

Все учителя — всех детей... Поймите, да это же тема спора в учительской из повести В. Тендрякова «Ночь после выпуска». Помните: «Преподадим неустойчивое, испаряющееся, причем в самой категорической, почти насильственной форме — знай во что бы то ни стало, отдай все время, все силы, забудь о своих интересах. Забудь то, на что ты больше всего способен. Получается: мы плодим невнимательных к себе людей. Ну, а если человек невнимателен к себе, то вряд ли он будет внимателен к другим. Сведения, которыми мы пичкаем школьника, улечиваются, а тупая невнимательность остается»; «с одной стороны, устаревшие программы, с другой — косные привычки самих преподавателей...»?

Повесть В. Тендрякова интересна прежде всего тем, что позволила в спор в учительской вклиниться их воспитанникам. Расставшись после выпускного вечера со своими учителями, они тем не менее продолжают в споре участвовать. Своими мыслями, своими поступками, всем тем, что оставила в них школа.

Дерзкий, бескомпромиссный писатель, В. Тендряков не боится встряхнуть, что называется, душу у своих героев наизнанку. Впрочем, я бы сказал, и читателям приходится не сладко. Публицистический пафос писателя как бы ставит их в положение учителей, а автор оказывается в положении Юлочки Студенцовой. Прием, воспринятый далеко не всеми без обиды.

В. Тендряков доводит своих героев до края, до абсолюта. Обычное для него противопоставление добра и зла здесь проявляется с особой рельефностью. Больше того, писатель на каждом шагу подчеркивает ее всевозможного рода контрастами: учителя — ученики, утро — ночь, школа — жизнь, жизнь — смерть. Контрасты характера, контрасты ситуации. На всем ощущаешь некую экспериментальность, необходимую автору для анализа той грани человечности и бесчеловечности, на которую он ставит героев повести.

Пятеро выпускников фактически приговаривают шес-

того к смерти. Но за максимализмом требований, предъявленных одноклассниками к Гепке, не видно доброты и желания сделать его лучше. На чем базируется эта беспощадность? На известном факте, что дети всегда жестоки в своих требованиях к другим? Нет. На жестокости во имя правды — самой страшной жестокости. Той самой жестокости, которую критики увидели в той или иной мере у большинства «деловых людей», заинтересованных только в экономической целесообразности. Где же корни этой жестокости?

Лучшим доказательством точности указанного В. Тендряковым адресата в данном случае оказалась реакция просвещенцев. «Учительская газета» в традиционном для нее в подобных случаях мажоре довела до сведения своих читателей: «Речь идет не о той школе, в которую ты с радостьюходишь ежедневно с утренним звонком». Иными словами: это не про нас, поторопился автор обвинять школу. А все почему? Не вслушивался, глубоко не вник, увлекся модной идеей, не о том забеспокоился.

Однако позиция учителей, по крайней мере, объяснима. Как-никак задета честь мундира. Куда менее объяснима точка зрения критика Веры Смирновой, которая с принципиальностью, достойной героини повести Зои Владимировны, высказалась о гнетущем впечатлении от повести В. Тендрякова, не соответствующей, по ее мнению, правде жизни.

Охотно допускаю, что и не соответствует, если подходить к ней с мерками двадцатилетней давности. А именно в таком подходе убеждает хотя бы оценка критиком Натки Быстровой. Вера Смирнова с холодностью судит о «женском начале» в семнадцатилетней девушке, отказывая ей вообще в праве на чувство: и в любви, и в ненависти: «Когда и где успели накопить ее эти семнадцатилетние, у которых и опыт-то жизненный еще так невелик?»

Впрочем, отношение к семнадцатилетним как к еще маленьким не мешает Вере Смирновой в другом случае спокойно уравнивать их со взрослыми студентами Литературного института. Видимо, в вопросах литературы жизненного опыта не требуется, рассуждает критик. Тут ей виднее.

И хотя можно было бы сослаться на позицию в этом

вопросе директора Павлышской средней школы имени В. А. Сухомлинского Н. Кодака, чьи суждения о правде жизни кажутся предпочтительней, я позволю себе привести здесь диалог героев С. Соловейчика:

Лу не в. Все, что человек делает, он с детства должен делать хорошо и испытывать радость от труда, иначе годы в школе развращают его, приучают отлынивать от работы, приучают к мысли, что можно не работать. Хватит нам растить сачков! Посмотри: приходит водопроводчик, а водопровод чинить не умеет и дела своего не любит. Учитель не любит учить, журналист не любит писать, токарь точить детали не любит... Не встречал?

Сумский. Встречал. По-твоему, во всем виновата школа?

Лу не в. Я не знаю, кто виноват, но я работаю в школе и ты в школе, мы за свое отвечаем.

Сказать откровенно, такой ответ мне как-то больше по душе. Во всяком случае, в нем видится больше оптимизма, нежели в заверениях завуча из Воронежа со страниц «Учительской газеты», что за 20 лет работы в школе через ее руки и руки ее коллег «прошло немало отличников, которые не только нашли свое призвание, но стали необходимыми людьми в жизни страны: строят, лечат, летают, растят собственных детей».

По той же самой причине меня радуют споры о том, какой быть школе завтра, между учителями и в пьесе С. Соловейчика, и в повести В. Тендрякова, и в кинофильме «Дневник директора школы» по сценарию А. Гребнева. Это, наверное, самое прекрасное, что учителя наконец заспорили. Кажется, еще не столь давно спорить им было вроде и не о чем. А сейчас спорят. До крика, до слез, до сердечных приступов. Бурлят учительские. Оправдываются слова Лу не в: «Но природа щедра: она оставляет возможности для развития. Всем! В том числе и учителям...»

Споры определяют ведущий конфликт современных художественных произведений: противопоставление старой и новой школы. Первую свою победу новая школа одержала в «Доживем до понедельника», где учитель Мельников впервые в столкновении с эмоциональной глухотой учеников, воспитанных, а не рожденных глухими, взорвался уроком о лейтенанте Шмидте. Там же

впервые возникла искомая форма отношений учителя и ученика: «...когда тебя понимают».

«Ночь после выпуска», вместившая в ночь то, что в жизни более растянуто, сфокусировала внимание на страшном парадоксе воспитания. Суть которого особенно четко проступает вовсе даже не в том, что учительская гордость, человек, в котором воплотились все учительские замыслы — Юлия Студенцова — многолетний труд учителей заговорил против них. Суть парадокса оказывается ошеломляюще понятной после знакомства с двумя героями повести, коим по ходу сюжета не суждено даже встретиться.

Один — некий Яшка Топор, о ком ходит слух, что он отсидел срок «за мокрое». Судя по всему для Яшки Топора идей и в природе не существует.

Другой — учительница Зоя Владимировна, в свои шестьдесят пять лет забивающая своей добросовестностью — до самоотречения — педагогов с институтским образованием. Коей почтительно удивляются: она учит уже сорок лет! Для Зои Владимировны, наоборот, кажется, только «идеи» и характерны.

Казалось бы, что может быть между ними общего: Зоя Владимировна — на одном конце, Яшка — на другом. Но именно такие Зои Владимировны плодят Яшек. Полюса. Но в сущности оба не знают, что такое жизнь. Два далеких, но в чем-то родственных мира. Хотя, пожалуй, не таких уж и далеких, если вспомнить Сократа Онучина, вхожего и туда и сюда. Этот еще страшней.

Страстная, словно обжигающая повесть эта вводит нас в спорящую учительскую в очень интересный момент. В то время, пока ребята-выпускники решают вопросы жизни и смерти, их учителя обсуждают... вопросы кинофикации уроков. Невольно возникает вопрос: поняли ли они свои задачи воспитания? Во всяком случае, автор оставляет вопрос открытым: его ребята проходят мимо школы, проходят, не заметив учительницы. Их еще вряд ли поймут здесь. Следовательно, о счастье говорить пока не приходится.

И все же мы многое пойдем, если не пройдем мимо возможного сопоставления спорящих учителей из повести В. Тендрякова и пьесы С. Соловейчика.

Несмотря на разницу в возрасте, Шувалова — несомненная наследница Зои Владимировны. Глядя на ге-

роиню С. Соловейчика, еще отчетливее понимаешь, что если в чем и можно упрекнуть В. Тендрякова, так это, скорее, в некоторой лакировке, ибо настоящие Зои Владимировны не плачут в платочек, а мстят жестоко, умело, так, как это делает Шувалова.

Не так проста Зоя Владимировна. В своей добросовестности до самоотречения она расчетливо делает из себя жертву, страдает и потому эгоистически заставляет страдать других. Ей элементарно выгоден устоявшийся порядок в школе.

Но какой бы сильной не оставалась еще Зоя Владимировна, она — вчерашний день школы. Рано или поздно ей из школы придется уходить. А вот с Ольгой Олеговной и Сумским дело обстоит куда сложнее.

Возможно, я ошибаюсь — дай-то бог — но меня смущают,стораживают в Ольге Олеговне два момента. Во-первых, ее собственное признание беспомощности перед лицом устаревших программ и косных привычек преподавателей. Вы не находите, что это очень уж перекликается с рассуждениями Сумского о причинах, заставляющих его запретить семинар Лунева? Во-вторых, выступление в споре Павла Павловича Решникова — коллеги и до последнего времени ее единомышленника — против нее: «Тут ты вся: зовешь — делай, и не замечаешь, что уже делается. Кричишь — вперед! И хватаешь за ногу — стой, не смей шевелиться!»

И если Сумской опасен как человек и по сути своей предатель, то Ольга Олеговна опасна своей внешней похожестью, близостью к нарождающемуся новому. Сейчас она, умная женщина, извлекает несомненную пользу из борьбы нового со старым. Она обрушивается на старое — того требует время. Она же мешает новому. Ибо понимает, что достаточно тому окрепнуть, как вперед выйдут другие, те, кто создает это новое. Однажды она, вероятнее всего, свернет на путь Сумского. Конечно, это нельзя утверждать с абсолютной уверенностью — слишком много в образе Ольги Олеговны авторской недоговоренности. И все же он заставляет задуматься о нравственных отголосках, рожденных в конфликте Лунева и его соратников с разного рода проявлениями типа Шуваловой.

Столкнулись два уровня нравственности, пожалуй — и два мировоззрения. Борьба Лунева не укладывается

в рамки чисто производственной проблемы: как учить — тем или иным методом? Смысл его борьбы много шире изображенной в пьесе коллизии. Финальный монолог Лунева выражает сокровенный смысл его борьбы: «Каждая человеческая жизнь будет начинаться в радости умственного труда, и это сделаем мы. Да, мы, маленькие люди... Но в следующем веке, а может быть, в следующем десятилетии нашими скучными школьными делами будут заниматься лучшие люди человечества. Вот увидите! Как может быть иначе? Ведь пятьдесят миллионов стоит у станков и столько же, пятьдесят миллионов, — за партой. Вторая индустрия страны — школьная!.. Человеческие усилия не тщетны, не пропадают. Я верю в это! Если бы меня спросили: «Во что ты веруешь, Лунев?» Я бы ответил: «Верую в бессмертное человеческое усилие сделать жизнь лучше...»

Высокая ответственность за судьбу детей рождает эту борьбу за решение задачи «нешкольного масштаба». В то время как его противники воюют только за себя. Выступая с позиций новой рождающейся нравственности, одухотворенной делом, Лунев нигде не борется против личности Шуваловой, личности заведующего гороно. Он борется против явления. Явления, позволяющего Шуваловой рассуждать: «Ну что мне с вами делать! Ну вы же умный человек! Это не очковтирательство, а выполнение указаний — понимаете разницу? Очковтирательство — это когда руководство обманывают, а когда... Понимаете?»

Характерная деталь: новая нравственность человека труда выступает не только в качестве присущей лишь одному Луневу, она формирует вокруг него новый коллектив, творческий, активный, способный уже противостоять нападкам лагеря Шуваловой, Шумского и других.

Произведения последнего времени о школе убеждают лишний раз, что причины, сдерживающие ее дальнейшее развитие, кроются прежде всего в людях. Тех, кто не соответствует духу и велениям времени, требующим умения идти непроторенными дорогами.

Конфликты этих произведений перерастают ставшую привычной форму: «новатор — консерватор». Они раскрывают более глубокую, социально-нравственную природу жарких споров в учительских. И дело оказывается

не в том, что одна сторона держится устаревших взглядов, а другая — современных. Напряженность и драматизм споров обусловлены отношением сторон к тем, кого выпускает школа. Именно эта истина открывается старому учителю Спиридонову, когда ему впервые в жизни приходят на память фамилии бывших учеников. Не тех, ставших докторами наук и лауреатами, кем он всегда гордился, а тех, кто уже через год после выпуска попал за хулиганство в тюрьму, окончательно спился или живет в мировой скорби. Ребят, которые выпали из процесса созидания будущего страны.

Спорят учителя. А от результатов споров в учительских зависит завтрашний день не только школы. И герои произведений о школе, такие, как Лунев, Свешников, доказывают свою социальную зрелость, коммунистическую убежденность в вопросах, выходящих далеко за школьный порог. Боевая устремленность этих героев рождает оптимизм и веру в то, что у них хватит сил и твердости не только отстаивать свою правоту, но и, завоевав новых союзников, совершить то, о чем они сейчас пока мечтают: видеть всех ребят счастливыми.

Значит, есть надежда, что страна получит новые, свежие силы, способствующие дальнейшему развитию научно-технической революции. А следовательно, станет больше таких бригад, какую возглавляет Потапов. Сегодня ее будущих членов воспитывает и учит Лунев.